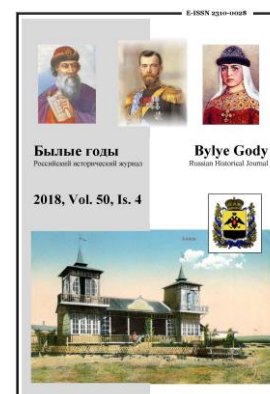

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1518-1529. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1518
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Deputative Missions» of the Kazakh Khans, Sultans and Family Governors in the Court of the Russian Emperors in the first half of the 19th century

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

This article reconstructs the history of the Kazakh Khans, Sultans and the Younger and Middle Zhuzes family governors who held “Deputative missions” in the Russian Emperors court in the 19th century. It has been found that Russia estimated these missions as the foreign ones. The Foreign Ministry Asian Department accepted them until 20th century. It proves formal principle of Russian citizenship for Kazakh governors which was formed in the 30–40s of the 18th century. The “Deputative missions” purpose was a discussion of the wide issues range: approving the Khan's rank, solving the problems of Kazakh-Bashkir land management, transiting Russian caravans through the Kazakh steppe, being under Russian jurisdiction for Kazakh people in the border area. The Charters on the Siberian (1822) and Orenburg (1824) Kazakhs had changed the Russian administration attitude towards “Deputative missions”. They liquidated the political autonomy of Zhuzes and allowed the access to the imperial court through the Interior Ministry. The goals consisted of the confirming the loyal feelings; getting the status of regional administration officials, nobles titles, pensions. The author examined the beginning of political and socio-economic regional integration into the general imperial space.

The Younger and Middle Zhuzes were considered as an inner province of the Russian Empire since 40s of the 19th century. Therefore, the admission of “Deputative missions” to the court was gradually reduced, all issues of interaction with the Kazakh society were transferred to regional authorities.

Keywords: Russian Empire, Kazakhs, Zhuzes, Russian-Kazakh relations.

1. Введение

Несмотря на то, что присоединение казахских племен к Российской империи было инициировано степной политической элитой еще в 1730-е гг., целенаправленное воздействие на них государство стало оказывать фактически сто лет спустя. Поэтому конец XVIII – первая половина XIX в. стали переломными для судьбы казахского кочевого общества, поскольку именно в этот период происходило формирование концептуальных положений имперской политики в его отношении. Их идеологической основой выступили философско-мировоззренческие установки европейской просветительской мысли, определившие цивилизаторскую и культуртрегерскую направленность правительственного курса в степи. Данные идеи существенно корректировались логикой модернизационных процессов, начавшихся в России в XIX в. Для них было характерно стремление к рациональности и унификации системы административно-территориального, правового, экономического пространства империи.

Конкретные механизмы реализации политики России в отношении казахского кочевого общества нашли выражение в серии проектов конца XVIII – 60-х гг. XIX в.: административной реформе в Младшем жузе генерал-губернатора Оренбургского края О. Игельстррома, Уставах о

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

сибирских (1822 г.) и оренбургских (1824 г.) казахах, Положении об управлении оренбургскими казахами 1844 г., Временных положениях об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским генерал-губернаторствами 60-х гг. XIX в. Логика имперского администрирования в степи, отраженная в данных законодательных актах, была направлена на модернизацию традиционных социальных институтов и связей казахского общества, внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм управления и суда, оседание кочевников и приобщение их к земледельческому труду, развитие системы светского образования, медицины, ветеринарного дела и т.д.

Реакция традиционного казахского общества на предпринимаемые Российской империей усилия была вариативной. Определенная часть кочевой политической элиты активно интегрировалась в социокультурное и политическое пространство империи, выступала активным реципиентом модернизационных установок. Другая часть была настроена оппозиционно и негативно воспринимала навязываемые извне нововведения. Одной из форм реакции казахского общества на начавшуюся интеграцию региона в общеимперское пространство стали «депутатские миссии» ханов, султанов и родоправителей к российскому двору, активно направляемые в первой половине XIX в. Выявлению их причин и целей, механизмов отправки и церемонии принятия в Петербурге, роли в развитии российско-казахского межцивилизационного диалога посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Источниковой основой для реконструкции истории «депутатских миссий» казахских ханов, султанов и родоправителей Младшего и Среднего жузов ко двору российских императоров в первой половине XIX в. послужили материалы Российского государственного исторического архива. В Фонде 1291 – «Земский отдел МВД» данного архива выявлены и проанализированы документы 25 «депутатских миссий». Среди них – переписка центральных и региональных органов власти по вопросам организации поездок миссий; донесения чиновников МИД и МВД о церемонии встречи депутатов с императорской семьей и программе пребывания их в Петербурге; письма-прошения казахских родоправителей к российским императорам на татарском языке с переводом, протоколы заседаний Азиатского департамента МИД и Земского отдела МВД по рассмотрению прошений и заключению по ним; официальные письма-ответы ханам и султанам на их прошения; финансовая документация, отражающая сметы расходов Государственного казначейства на проезд, содержание и «отправку обратно» «депутатских миссий», подарки и награды для них.

Методической основой статьи выступил ряд конкретно-исторических методов. Историко-сравнительный метод позволил выявить определенную эволюцию во взглядах центральных органов власти на стремление казахских родоправителей направлять своих представителей в Петербург, изменение цели и задач «депутатских миссий» в соответствии с динамикой политической ситуации в Младшем и Среднем жузах. Это, в свою очередь, позволило выделить в истории «депутатских миссий» первой половины XIX в. несколько этапов. Историко-системный метод был нацелен на реконструкцию истории «депутатских миссий» во взаимосвязи с общей историей политики Российской империи в отношении традиционного казахского общества.

3. Обсуждение

В советской и современной казахстанике накоплен значительный опыт изучения истории российско-казахских отношений XVIII–XIX вв. Так, работы Е. Бекмаханова, С.З. Зиманова, Быкова и др. посвящены вопросам присоединения Младшего, Среднего и Старшего жузов к Российской империи (Бекмаханов, 1947; Быков, 2003; Зиманов, 1960). В целой серии исследований анализируются проблемы имперской политики в регионе, реализации административно-территориальных и социально-экономических реформ 20–60-х гг. XIX в. (Бахтурина, 2014; Жиренчин, 1996; Традиционное казахское общество..., 2014). Отдельным направлением следует считать изучение экономического аспекта российско-казахских отношений: развития промышленного сектора экономики региона, торговли, в том числе транзитной, урбанизации, крестьянской колонизации степи, оседания кочевников (Аполлова, 1976; Галузо, 1965; Лейзерович, 2001). Социальным преобразованиям Российской империи в Степном крае – развитию системы светского образования, медицины, ветеринарного дела, миссионерской деятельности Русской православной церкви и т.д. – посвящены работы Ю.А. Лысенко, А.К. Тихонова, З.Т. Садвокасовой (Лысенко, 2010; Lysenko, 2014; Садвокасова, 2005; Тихонов, 2008).

Нетрудно заметить, что преобладающими в историографии являются исследования, посвященные изучению различных аспектов воздействия Российской империи на традиционное казахское общество. При этом вопросы реакции казахского общества на него остаются за рамками внимания исследователей. Исключение составляет лишь тема народно-освободительного движения казахского народа, которая активно разрабатывалась в советской исторической науке (Национально-освободительное восстание, 1937; Сулейменов, Басин, 1977). Однако в условиях господства марксистско-ленинской методологии она была крайне идеологизирована и далека от подлинно научного осмысления. Представляется, что реакция казахского общества на модернизационные импульсы извне была более многогранной. Одной из форм приспособления к новым социально-

политическим реалиям, в которых оказались казахи-кочевники в конце XVIII – первой половине XIX вв., стали массовые «депутатские миссии» к российскому императорскому двору. Их изучению посвящена данная статья.

4. Результаты

В РГИА отложились материалы как минимум 25 депутатских миссий казахских родоправителей ко двору российских императоров, состоявшиеся в первой половине XIX в. Пять из них не получили разрешения на посещение Петербурга. Первые прошения об отправке миссий относятся к 1801–1803 гг. Именно в этот период Александру I поступили два рапорта: первый – от инспектора Сибирской инспекции генерал-лейтенанта Лаврова, содержащего просьбу султана каракисекской волости Букея и султана алтыбай-бурунайманской волости Худай Мендина разрешить «направить ко двору депутацию» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 2–3), второй – от Троицкого таможенного цолнера¹ Чекалова с аналогичной просьбой султанов Среднего жуза Джумы-Худай-Берды, Джигангира Каипова, Джантиля Джаныбекова, Игимурада Балтина, Джимантая Таштемирова (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л.1).

Данные документы свидетельствуют о том, что к 1803 г. уже существовал механизм получения разрешения на проезд депутатий в Петербург. Посредником в передаче прошения на проезд выступали оренбургские или сибирские генерал-губернаторы, чиновники региональной администрации. Ходатайства поступали в Азиатский департамент МИД. Рассмотрев прошения, он давал заключение о целесообразности приезда того или иного родоправителя, которое представлялось императору. Именно он принимал в рамках действующего законодательства окончательное решение о приезде «депутатских миссий» ко двору.

С введением Устава о сибирских киргизах 1822 г. и Устава об оренбургских киргизах 1824 г. все вопросы, связанные с казахами Среднего и Младшего жузов, были изъяты из компетенции Азиатского департамента МИД. В связи с этим на протяжении нескольких последующих лет заключение о целесообразности приезда очередной делегации казахских родоправителей готовилось Сибирским комитетом. С 1833 г. право обращаться к императору за разрешением на поездку в столицу казахским депутатам перешло в ведение МВД (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л. 406.).

Региональные органы власти крайне дорожили своими посредническими функциями в вопросе отправки казахских депутатий к императорскому двору и болезненно реагировали, если тот или иной правитель обращался с данной просьбой, минуя их. Показательна в этой связи ситуация, возникшая в 1814 г. вокруг хана Букея, правителя Букеевского ханства. По его просьбе в Петербург была направлена депутатская миссия во главе с его братом – майором султаном Артагали «для засвидетельствования Государю императору верноподданнической преданности и поздравления Государя императора с заключением в Париже мира». По возвращении делегации выяснилось, что хан Букей не обращался в Оренбургскую пограничную комиссию за разрешением на данную поездку. Ее председатель А. Тарарыкин, возмущенный данным фактом, писал в Азиатский департамент в декабре 1914 г. «Искание хана Букея посторонними путями (для получения разрешения на поездку – *авт.*) и удача в его исканиях естественно ослабляют и в нем, и в подчиненных ордынцах то уважение, которым он обязан Оренбургскому пограничному начальству, непрерывно озабоченному управлением киргиз-кайсацкого народа; с упадком уважения к настоящему начальству уменьшится важность предписаний оного в глазах полудикого народа! И таким образом, вместо устройства могут возродиться одни беспорядки среди самих же ордынцев». Поэтому А. Тарарыкин настаивал на том, что бы Азиатский департамент сделал хану «взыскание» и уведомил его о том, что в будущем он всегда должен обращаться в Оренбург за разрешением на поездку в Петербург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 93–93об).

Важно подчеркнуть, что положительный исход ходатайства о приезде в столицу зависел от личных заслуг перед государством и императором обратившихся родоправителей. Их перечень являлся стандартным и определялся условиями Жалованной грамоты императрицы Анны Иоанновны 1731 г. о принятии хана Абулхаира и казахов Младшего жуза в российское подданство. В частности, в грамоте содержались требования «находиться всегда в постоянной верности» к императорскому величеству. Под верностью понималась готовность казахских ханов выставлять по указу российских императоров «наряд ... на службу нашу с другими подданными российскими», прекратить нападения, набеги и обиды на подданных империи – «башкирцов, и на яицких казаков, и на калмык» и «жить с ними мирно и бессорно», не чинить препятствия российский купеческим караванам, следующим «из Астрахани и из других мест» транзитом через казахскую степь в азиатские государства – Хивинское, Бухарское ханства и Западный Китай (Бекмаханов, 1947: 43).

Поэтому в ходатайствах региональных чиновников обязательно подчеркивалась «верноподданническая верность», «верноподданническая непоколебимость и преданность» того или иного родоправителя, обратившегося с просьбой принять его делегацию при дворе. Конкретные заслуги родоправителей перед Россией определялись обеспечением ими безопасности российских купеческих караванов, «предохранением их от разграбления неблагонамеренных киргиз-кайсаков»,

¹ Цолнер – надзиратель, осуществляющий контроль за сбором таможенных пошлин.

выполнением поручений региональной администрации, в том числе доставкой корреспонденции хивинским и бухарским правителям, оказанием помощи в возвращении военнопленных – российских подданных, захваченных хивинцами или бухарцами и т.д. Дополнительными преференциями, а значит и большей вероятностью получения разрешения на проезд в столицу, пользовались казахские султаны, перешедшие «на вечное кочевье в Россию». К данной категории относились родоправители, получившие разрешение перейти российско-казахскую границу – Урало-Иртышскую укрепленную линию, кочевать на «внутренней стороне» – юге Западной Сибири – и становившиеся, таким образом, российскими подданными.

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что некоторые из наиболее влиятельных и пользующихся огромным авторитетом среди казахского народа ханы, султаны и родоправители направляли в столицу свои депутации по несколько раз. В связи с этим следует назвать, прежде всего, правителя Букеевского ханства Букея, который в 1814 г. направлял к российской двору своего брата султана Артагали Нурали-Ханова, в 1826 г. сам находился в Москве на коронации императора Николая I (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 1–10б). На этой же церемонии присутствовал султан Среднего жуза Сартай Чингисов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л. 8об.), который в 1833 г. вновь получил разрешение на поездку в столицу. Дважды – в 1805 г. и 1819 г. – состоялась поездка в Петербург депутатов от султанов Среднего жуза Букея и Худай Мендина (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 69а).

Срок принятия решения о поездке в Петербург или отказе в таковой колебался от одного года до нескольких лет. Причин затягивания ответов было несколько: бюрократические проволочки, отсутствие императора в столице; тщательная проверка центральной администрацией благонадежности того или иного родоправителя, личная неприязнь региональных чиновников к некоторым ханам и султанам, сложный характер взаимоотношений между ними.

Показательно в этой связи «Дело о приезде в Петербург хана Меньшей киргизской орды Ширгазы Айчувакова». С просьбой о допущении его со свитой в столицу хан обратился в декабре 1814 г. Официальной целью поездки должно было стать «изъявление преданности императору и поздравление с победой над Наполеоном». В марте 1815 г. он получил уведомление о том, что «император в отъезде, поэтому с разрешением в визите придется подождать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 11–110б).

В сентябре 1816 г. и ноябре 1817 г. хан Ширгазы вновь обращался к императору с просьбой разрешить ему прибыть ко двору и для «подробного объяснения по долгу моему о делах моих, коих мне на письме изображать никак невозможно, а следует донести об них Вашему Императорскому Величеству лично» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 11–110б). В ходе переписки с ханом Азиатский департамент МИД выяснил, что тот неоднократно обращался через генерал-губернаторов Оренбургского края Г.С. Волконского, а позднее П.К. Эссена с просьбой о принятии его депутации, но чиновники информацию в МИД не передавали.

Представляется, что данная ситуация отражала характер взаимоотношений региональной администрации с ханом Ширгазы. Созданная в 1799 г. Пограничная оренбургская комиссия, подчинявшаяся оренбургским генерал-губернаторам, была призвана осуществлять взаимодействие и контроль за казахами Младшего жуза в приграничной зоне. Однако с момента создания она стала активно вмешиваться в их внутренние дела, нарушая тем самым автономию ханов. Кроме этого, в конце 10-х гг. XIX в. началась подготовка проекта Устава об оренбургских казахам, предполагавшая отмену ханской власти в жузе и введение российской административно-территориальной системы управления. Хан Ширгазы оказывал противодействие региональным властям, настаивая на своей независимости. Крайним проявлением его «сепаратизма» и отказа от «верноподданнических настроений» стало разграбление им совместно с хивинским правителем российского купеческого каравана.

В связи с этим председатель Оренбургской пограничной комиссии П.К. Эссен характеризовал хана Ширгазы Айчувакова «человеком слабым и ненадежным». В представленной им в Азиатский департамент МИД «Записке о неприязненных расположениях Хивинского хана и о разграбленном караване» от 3 ноября 1818 г. он сообщал, что «меры, предпринимаемые хивинским ханом и новым ханом Меньшей орды – Ширгазы Айчуваковым, довольно успешны и угрожают, хотя и отдаленно, но вероятною опасностью как подвластным России киргизам, так и бухарцам». Поэтому он предлагал отстранить хана Ширгазы от должности и назначить в Младшем жузе нового хана Арынгазы Абулгазиева (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 38об.).

Представленная П.К. Эссеном «Записка» была тщательно проанализирована в МИД и МВД. Однако в конечном итоге чиновники центральных ведомств не поддержали предложение оренбургского генерал-губернатора и настояли на «принятии посольства хана Ширгазы Айчувакова». Аргументами в пользу данного решения они назвали «давность нахождения Младшего жуза в подданстве Российской империи и бесполезность его Оренбургскому краю посредством скотоводства и некоторых изделий, доставляемых кочевниками в знатном количестве нашим пограничным жителям»; давность признания ханами Младшего жуза «над собою верховной власти русских государей, получения от них своего утверждения на ханство, пользования их жалованием» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 32).

Управляющий МВД граф К.В. Нессельроде также посчитал «смену настоящего хана и определение другого неудобным, ибо выбор хана предоставляем был всегда самим киргизцам, по невозможности принудить их признать кого-либо против воли их. Сверх сей причины предстоит и та, что на нынешнего хана не поступало никаких жалоб от подвластных ему». В заключение К.В. Нессельроде посчитал приезд хана Ширгазы в Петербург крайне необходимым «из-за объяснений, кои он здесь даст по делам киргизским и сопредельных народов и от средств, кои может быть при совещаниях с ним изысканы будут к уменьшению грабежей, производимых кочующими народами, обеспечится до возможности в тех краях торговля» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 526. Л. 39). 20 мая 1819 г. Комитет министров принял решение рекомендовать императору предоставить возможность хану Ширгазы Айчувакову прибыть в Петербург. 29 июля этого года письмо с разрешением было доставлено хану. В декабре 1819 г. делегация в составе Ширгазы хана, его младшего сына султана Идиги, брата Ширгазы султана Тухрана и племянника хана – султана Мендияра Габдулгазиева выехала в Петербург (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 526. Л. 37). Таким образом, с момента первого обращения хана Ширгазы с просьбой о приезде ко двору российского императора до получения разрешения на выезд делегации прошло ровно пять лет.

Просьбы от казахских правителей о разрешении направить депутатов в Петербург довольно часто отклонялись, даже несмотря на наличие определенных заслуг того или иного владельца перед Россией. Отказ получали султаны, уже бывавшие ранее при дворе императора. Так, султан Среднего жуза Чурукай (Чуругей) Аблаев посещал столицу Российской империи в 1802 г. для поздравления императора Александра I с восшествием на престол (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 9. Л. 1–50б.). В 1809 г. ему в подобной просьбе было отказано. По всей видимости, это было связано с позицией властей, считавших султана Чурукай причастным к разраблению российского торгового каравана в 1800 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 27. Л. 1–10б.). Представляется, что причиной отказа в возможности приехать ко двору могла быть незнатность происхождения того или родоправителя, его слабый авторитет и влияние на казахское население. Так, в 1812 г. была отклонена просьба о приезде в Петербург казахских старшин Диана Якубова, Байсала Аتكельтерова и Кипчака Игидбаева. В составе их делегации не оказалось ни одного султана, что, по всей вероятности, послужило причиной отказа.

Однако основной причиной отказа в праве казахским родоправителям направлять свои делегации к императорскому двору являлся финансовый вопрос. Суда по архивным данным на протяжении первой половины XIX в. с каждым годом количество подобных ходатайств увеличивалось. Поводом послужил параграф 281 «Устава о сибирских киргизах» 1822 г., в котором для того чтобы «киргизские султаны не лишены были способов лично уверяться в расположении к ним верховной власти», позволялось «султанам целого округа совокупно отправлять делегации в Санкт-Петербург, но не иначе как на счет тех самых округов и по желанию народа». Несмотря на то, что по Уставу делегация должна была направляться за счет средств самого родоправителя, в реальной политической практике того времени финансовые расходы по ее отправлению в столицу, содержанию и отправке обратно в степь брало на себя государство. В среднем приезд одной «депутатской миссии» в Петербург обходился казне в 7000–8000 рублей. При анализе архивных документов выявились только две ситуации, когда казахские ханы и султаны выражали готовность направить делегации за счет личных средств. В частности, об этом заявил в феврале 1827 г. султан Среднего жуза Сарта Ючин, спрашивая разрешение на поездку у Омского областного начальника Броневского (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 114. Л. 1–10б.), а в 1828 г. – старший султан Кокчетавского внешнего округа Аблай Габбасов, ходатайствуя об отправке к Высочайшему двору «родного брата Абулхарира с товарищами» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 20б.). Но даже в этих случаях, как свидетельствуют архивные данные, государство профинансировало поездку данных делегаций.

Наплыв казахских делегаций пытался приостановить даже сам император Александр I. В одной из своих резолюций он отмечал, что «намерение их (казахских депутатов – *авт.*) приехать клонится ...к получению каких-либо от монарха щедрот, подарков, которые, если они того заслуживают, я без того могу им подарить, и потом, не лучше ли будет во избежание излишних для казны издержек, объяснить им пристойным образом дальность пути сего и сопряженные с этим затруднения, отклонив от того намерения» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 27. Л. 4–40б.).

В 1828 г. директор Азиатского департамента МИД принял решение «изредка допускать приезд в столицу с небольшими свитами только таких султанов, кои заслуживают таковую Высочайшую милость или своим отличным усердием и верноподданнической приверженностью к России, или имеют действительную в том надобность по каким-либо чрезвычайным случаям, касающимся либо их самих, либо киргизского народа» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л. 1–10б.). Часто региональным властям делалось предписание выяснить цель поездки делегации, найти возможность ее решения на месте. В случае, если речь шла исключительно о просьбах представить к награде, пенсии, пособию, чину, региональные власти обязывались «отклонить поездку» и представить для награждения соответствующие документы в правительственные органы.

В поездке «депутатские миссии», как правило, сопровождали переводчик и офицер. Они получали «наставление» от региональных органов власти, содержащее стандартные рекомендации: «Будучи в пути с чиновниками обходиться со всякою благопристойностью и смотреть как бы им не было ни от кого причинено обид и озлобления, как напротив и их не допускать ни до каких

своевольств; в случае буде кто из них подвержен болезни, такого особо призирать, о приведении в здоровье иметь попечение, требуя в городах от господ начальников надлежащие медикаменты и лекарей; сверх того предохранять их, сколько возможно, от хищников, для чего при повозке их на станциях иметь караул. Когда в пути ли, на месте, где помянутые депутаты что-либо покупают, то в сем случае нужно вам всегда с ними ходить самим и оберегать их от всего» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 12–120б.). Следуя по специально разработанному маршруту в столицу и обратно, сопровождающие были обязаны делать письменные донесения о прибытии в очередной населенный пункт в МИД, а с 20-х гг. XIX в. в МВД. По окончании поездки они, как правило, награждались ценными подарками, правительственными наградами, получали повышение в должности. На основании этого можно говорить о том, что российское правительство придавало большое значение услугам, которые они оказывали.

Казахские депутации, прибывавшие в Петербург или Москву (если речь шла о коронации монарха), размещались на «казенных квартирах». Здесь их обслуживал штат прислуги, повара, кучер и т.д. Детально была разработана и церемония представления к императорскому двору. На основании Высочайшего указа от 9 февраля 1812 г. депутации от ханов Младшего и Среднего жузов, а также Букеевской орды принимались при «Высочайшем дворе в собственных своих одеяниях». После этого для них на государственные средства шили новую традиционную одежду. Например, султану Артагали Нуралиханову, брату хана Букеевской орды Букея, находящемуся при дворе императора Александра I в 1814 г., сшили «чекмень с позолотой из лучшего сукна, бешмет из парчи с подкладкой из полусатины и с опушкой, парчевый кушак, малиновую бархатную тубетейку с бобром, три пары сафьяновых сапог» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 12–120б.).

Также при российском императорском дворе существовал регламент, в рамках которого, по крайней мере до конца 20-х гг. XIX в., казахские депутаты «ханского достоинства» обязательно награждались собольей шубой, «покрытой серебряною парчой с золотыми цветами и петлицами», парчовой шапкой «с околышком черно-бурой лисы и с кистью золотой», булатной саблей «с надписью на клинке на русском, с одной стороны, и татарском – с другой». Надпись на сабле гласила: «Божьей милостью Александр Первый, император и самодержец всероссийский, жалует саблю сею подданному своему султану (имя султана)» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 119. Л. 169–169об.).

В некоторых делах о приезде казахских депутаций, отложившихся в РГИА, содержатся сведения о церемонии их принятия при императорском дворе. Так, 4 июня 1805 г. делегацию Среднего жуза – султанов Газы Букеева, Габиддулы Худай Мендина, Карадила и Пшения Урусовых, старшин Лаузана Тагаева, Тотембека Уразаева, Бангара Игизенова, Сатыбалды Анпишева, Андарата Мат-бапина – император Александр I принимал в Зимнем дворце. Сначала «делегация была введена в передние комнаты на половину Его Величества, где и оставались до окончания отправляемой тогда в придворной церкви Божественной литургии. Потом, когда Государь Император и Государыня Императрица изволили шествовать из церкви во внутренние свои комнаты, те депутаты, каждый по старшинству были представлены их Величествам обер-камергером графом Шереметьевым» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 158об.).

1 февраля 1820 г. Александру I был представлен хан Младшего жуза Ширгазы Айчуваков. По прибытии ко двору, «хан со свитою был препровожден в секретарскую комнату, где был встречен правителем церемониальных дел. Во время ожидания до представления, усыщаем был оный чаем, конфетами и разными вареньями. Государю Императору докладывал генерал-адъютант князь Волконский, и когда Высочайше было повелено допустить одного, то вошел хан к Государю с одним переводчиком киргизского языка Бикмаевым. Его Величество соизволил принимать в комнате, что перед кабинетом; по выходе хана введены были в ту же комнату сын хана и прочие свиты его чины, назначенные для представления в списке, также с одним переводчиком. По выходе последних сопровождаемы были все оные к Ее Императорскому Величеству государыне императрице Елизавете Алексеевне в назначенную комнату и поставлены были по старшинству, которых и представил Ее Императорскому Величеству Обер-Камергер Александр Львович Нарышкин. Помянутый хан, сын его, султана брат были удостоены руки Ее Величества» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 221–222).

В 1826 г. правитель Букеевского ханства Джангир и его супруга с матерью присутствовали на коронации императора Николая I, проходившей в Москве. Вместе с ним на церемонии присутствовало несколько султанов и биев Младшего и Среднего жузов. Пребывание хана и его свиты при дворе длилось 1,5 месяца и было достаточно насыщено событиями. Так, 1 августа 1826 г. хан Джангир был представлен императору в Чудовом дворце, 2 августа – императрице Марии Федоровне в Кремлевском дворце. 13 августа хан и супруга посетили Оружейную палату, 18 августа присутствовали на маневрах, 21 августа они были представлены великой княгине Елене Павловне. 24 августа вновь состоялось представление хана Джангира с супругой императору в Кремлевском дворце; 1 сентября они были приглашены на маскарад, 2 сентября – представлены Великому князю Михаилу Павловичу, 3 сентября посетили смотр войск на Ходыньском поле. 16 сентября 1826 г. «хан откланялся государю императору, 19 сентября – откланялся императрице» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 243. Л. 4–5).

Перед отъездом депутатских миссий домой их участникам обязательно вручили подарки. Например, в 1803 г. султану Джигангиру Каипову и Джантилю Джаныбекову, прибывшим из

Среднего жуза, было подарено «по одному перстню с бриллиантами по 300 рублей кажлый, по восемь пар соболей, парчи на платье по 12 аршин, по 5 аршин сукна и денежного вознаграждения серебром 300 рублей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 69). На обратный путь «депутатских миссий» из казны выделялись средства на покупку повозок, питание, оплату остановок на ночлег. Депутации от ханов по пути обратного следования приказывалось «пропускать без задержания, давать не только пристойные квартиры, но и сверх того оказывать всякое вспоможение» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 56).

Важное значение при реконструкции истории депутатских миссий казахских родоправителей к российскому императорскому двору имеет вопрос об их цели. Как правило, официальным поводом для приезда делегаций от Младшего, Среднего жузов и Букеевского ханства являлись торжественные/праздничные события в императорской семье и государстве. В частности, целью поездок было поздравление императора с восшествием на престол, с юбилейной датой со дня восшествия на престол, с победой России в войне над Наполеоном и т.д. Известен случай, когда одна из депутатских миссий прибыла ко двору императора Александра I поздравить его с восшествием на престол спустя восемь лет со дня его коронации. Из этого следует вывод о том, что правила организации поездок требовали наличия подобной официальной цели. В то же время значительная часть депутатских миссий прибывала из казахской степи в Петербург с формулировкой цели поездки: «для засвидетельствования пред лицом Императорского Величества верноподданнической Ему преданности».

И в первом, и во втором случае поздравления императорской семье и выражение верноподданнических чувств сопровождалось «принесением просьб». Именно анализ данных прошений позволяет реконструировать истинные цели поездок казахских депутатских миссий к императорскому двору, определить тот круг вопросов и проблем, которые волновали казахских ханов, султанов и отдельных влиятельных родоправителей в первой половине XIX в. в контексте усиления позиций Российской империи в казахской степи и ее все нарастающего вмешательства во внутривосточную жизнь Младшего, Среднего жузов и Букеевского ханства.

Важно также отметить, что российские власти со своей стороны также придавали огромное значение развитию двусторонних отношений посредством данных прошений, которые тщательным образом переводились с татарского на русский язык. Если перевод был неточным и вызывал какие-либо вопросы, членов депутатии с переводчиком обязательно приглашали для уточнения формулировок перевода. Затем просьбы анализировались в Азиатском департаменте МИД, Сибирском комитете или МВД. Если вопрос прошения затрагивал государственные интересы, к его обсуждению приглашались профильные департаменты, коллегии/министерства. По итогам обсуждения делалось заключение, которое представлялось императору. Далее следовал императорский указ, который, по сути, являлся официальным ответом депутатии на ее прошение. Поскольку обсуждение и вынесение правительственных решений по этим просьбам занимало определенное время, официальный ответ доставлялся в Оренбургскую пограничную комиссию или сибирским властям – Омскому областному начальству – уже после возвращения депутатии в степь и лично вручался родоправителю, направившему ее в Петербург.

Всю совокупность проанализированных нами прошений необходимо, на наш взгляд, разделить на две группы: «официальные прошения» и «прошения частные». Официальные – затрагивали наиболее актуальные вопросы российско-казахских отношений. Одним из них в первой половине XIX в. являлся вопрос о торговле российских купцов транзитом через казахскую степь. Как известно, Российская империя в этот период стремилась к наращиванию торговых оборотов с центральноазиатскими владениями – Хивой, Бухарой, Кокандом, Западным Китаем. Однако существенным препятствием для реализации данной задачи являлись грабежи торговых караванов казахами. В связи с этим данный вопрос часто становился основанием для приезда казахских депутатских миссий ко двору российских императоров и активно обсуждался в их «официальных прошениях».

Например, официальной целью поездки в 1803 г. в Петербург султанов Джигангира Каипова, Джантиля Джаныбекова, Игимурата Балтина, Джимантая Таштемирова стало «объяснение причин, по коим разграблены наши караваны Гавердовского» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 1). История дипломатической миссии Я.П. Гавердовского достаточно подробно описана в исторической литературе. Отметим, что одной из ее целей было установление торговых связей с Хивинским ханством, поэтому с миссией Я.П. Гавердовского был направлен торговый караван, который и был разграблен казахами по пути следования. Казахским султанам было крайне важно доказать свою непричастность к грабежу того или иного каравана, поскольку российские власти по факту грабежа сразу прекращали выплаты им денежных пособий, пенсий и т.д. По приезде ко двору делегаты от имени султанов вручали письма-объяснения, в которых доказывалась их непричастность к противозаконным действиям соплеменников.

В 20-е гг. XIX в. грабежи российских, бухарских и хивинских караванов приняли массовый характер. Однако в условиях отсутствия в регионе значительного воинского контингента Российская империя не была способна обеспечивать их безопасность. Единственным для нее выходом стало принятие «официальных прошений» казахских правителей о предоставлении им права сопровождать торговые караваны по территории Младшего и Среднего жузов «в бухарские владения и обратно».

Так, например, хан Младшего жуза Ширгазы в «официальном прошении» в 1819 г. предлагал назначить конкретных людей – своих ближайших родственников для сопровождения торговых караванов из российских населенных пунктов в города Хивы и Бухары: «через Троицкую крепость – Сейд Али и Нестид султанам, через Орскую – родственнику моему Тимур султану Иралиханову, крепости Сарайчиковой – сыну Нурали хана Узбек султану» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б. Л. 330–332об.). Получая данное право, казахские правители имели возможность собирать плату с купцов за предоставляемые услуги. Нередко в «официальных прошениях» содержались просьбы казахских правителей разрешить торговать в российских пределах хивинским, бухарским и даже кокандским купцам. Таким образом, они выполняли посреднические функции в российско-азиатской торговле, и российская сторона поощряла их в данном направлении (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 28об.–29об.).

Важным вопросом российско-казахских отношений первых десятилетий XIX в., поднимаемых в «официальных прошениях» казахских deputаций, стал вопрос о возможности казахов кочевать во внутренних пределах Российской империи. Указами 1771 и 1790 гг. казахи уже имели право перехода российско-казахской границы – Урало-Иртышской укрепленной линии – и выпаса скота в пределах России. За это они обязывались выплачивать налог – одна голова скота с 500 голов. Несмотря на существование вышеназванных указов, для родоправителей крайне важно было получить разрешение на переход во внутренние пределы России конкретно на свое имя. Тем самым оно становилось «более легитимным» и значительно повышало авторитет правителя. Кроме этого, в «официальных прошениях» казахские правители просили отменить для подвластных им родовых коллективов выплату налога за переход во внутренние пределы. Но, как свидетельствуют источники, «учитывая, что лошадей (для российских войск в регионе – авт.) брать больше неоткуда..., от сего установленного сбора ...не представляется удобства учинить в нем перемены» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 51об.).

Не менее важным в российско-казахских отношениях первых десятилетий XIX в. стал вопрос о подсудности казахов, совершивших преступления в российско-казахской приграничной зоне против российских подданных. В своих «официальных прошениях» казахские правители представляли свое видение ситуации и ходатайствовали о передаче им права проводить судебные разбирательства по данной категории преступлений «согласно обычаем». Однако позиция России была непоколебимой: казахи, в 10–20-е гг. XIX в. относившиеся к категории «иностраннных подданных», совершив преступление в российских пределах против российских подданных, могли судиться только по законам Российской империи (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 57об.–59).

От имени правителя Букеевского ханства хана Букея в 1814 г. его брат султан Артагали решал вопросы землепользования казахских родовых коллективов в междуречье Урала и Волги. В истории хорошо известно о том, что эти территории указом Павла I были пожалованы хану Букею и его родовым подразделениям. Однако при Александре I часть данных земель была передана в собственность графу Безбородко и князю Юсупову. Султан Артагали в ходе своего визита пытался дипломатическими методами решить возникшую проблему, доказывая незаконность действий российского правительства. В письме хана Букея, которое он доставил ко двору, был приведен ряд аргументов в пользу того, что данные территории крайне важны для развития, в первую очередь коневодства. Подчеркивалась выгода для самой России в деле развития скотоводства в этом регионе через «продажу скота и поступления в оную как шкур, шерсти, так и сала» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 63–72). Однако, как известно, вопрос не был урегулирован российской стороной, что спровоцировало в 1837–1838 гг. протестное движение казахов Букеевского ханства под руководством И. Тайманова.

В ходе этой же поездки 1814 г. султан Артагали в «официальном прошении» просил российскую сторону выступить посредником в урегулировании казахско-калмыцких проблем в вопросах землепользования и угона скота. В данном случае Азиатский департамент МИД принял соответствующие меры и предписал «главному по калмыкам приставу подполковнику Халчинскому» провести расследования по фактам угона у казахов скота калмыками и принять действия по разграничению кочевий двух народов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52а. Л. 96–97). С аналогичной просьбой – урегулировать кочевание казахов на внутренней стороне, в междуречье Урала и Илека, с башкирами и калмыками – обращался хан Младшего жуза Ширгазы в 1819 г.

Введение в действие Уставов о сибирских (1822 г.) и оренбургских (1824 г.) казахах кардинальным образом изменило социально-политическую ситуацию в Младшем и Среднем жузах. Как известно, отмена института ханской власти повлекла за собой введение административно-территориальной, судебной и налоговой систем российского образца. Казахская степная аристократия оказалась в совершенно новых политических реалиях, связанных с потерей независимости (пусть и формальной) и юридическим включением региона в состав Российской империи.

Последовавшие после принятия Уставов депутатские миссии ко двору российских монархов свидетельствуют о том, что казахские правители пытались искать выход из сложившейся ситуации, адаптироваться к ней. Большинство «официальных прошений», с которыми они обращались до принятия Уставов, утратили свою актуальность (за исключением транзитной торговли). На повестку

дня были поставлены новые проблемы, связанные, прежде всего, со стремлением султанов вернуть институт ханской власти. Решению данного вопроса был посвящен ряд депутатский миссий от султанов Младшего и Среднего жузов. Однако Россия отказывалась от своих преобразований в степи не собиралась. Официальным ответом на многочисленные просьбы об утверждении в ханском звании того или иного султана являлась примерно одна и та же формулировка: «просьбы эти явно несообразны с видами нашего правительства, пекущегося о вечном водворении тишины и спокойствия между киргизами» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л 122–126 об.). Поэтому с 30-х гг. XIX в. в Петербург стали направлять депутации Старшие султаны – председатели Окружных приказов – административно-территориальных органов управления, созданных Россией по Уставу о сибирских казахх. Все это свидетельствовало об интеграции степной элиты в имперскую систему регионального управления и начале формирования чиновничьей прослойки из местной этнической среды.

К числу «частных прошений» нужно отнести личные просьбы ханов, султанов, отдельных родоправителей. Их содержание фактически не изменялось на протяжении всей первой половины XIX в. Это были прошения о пожаловании «княжеского достоинства в вечное потомство, дабы тем дворянский род их не пресекался», о назначении пенсий и жалований, офицерских и чиновничьих званий для ханов, султанов и подчиненных родоправителей; о постройке стационарных жилищ и мечетей для ханов или султанов; о назначении в степь при ханских и султанских ставках «указных мулл»; об освобождении от выплат ремонта (налога за перегон скота через Иртыш во внутренние пределы России – *авт.*); о присылке «землепашцев» с целью обучения казахов земледелию. В ходе визитов в Петербург решались и более частные вопросы. Например, исключение из окладных списков татарских мулл, проживавших при ставках ханов и султанов Младшего и Среднего жузов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 10. Л. 69).

Кроме этого, фактически в «частных прошениях» каждой делегации от казахских султанов 20–30 гг. XIX в. содержалась просьба о присылке к ним «в случае крайности, для защиты от соседей, казачьего отряда». Данное прошение свидетельствовало о крайне напряженной внутривнутриполитической ситуации в Младшем и Среднем жузах, порожденной борьбой многочисленных ханских потомков за власть и усугубленной постоянными взаимными набегами родовых подразделений с целью угона скота. Обращение к России казахских родоправителей направить к ним казачьи отряды свидетельствовало о том, что, с одной стороны, они стремились усилить свои позиции при их помощи, с другой – видели в России более сильного соседа и обращались к нему, по сути, за покровительством.

Таким образом, анализ «частных прошений» позволяет утверждать, что они были нацелены на усиление личных позиций того или иного правителя в жузе, улучшение его материального состояния и благополучия. Россия рассматривала данный тип прошений как важный механизм закрепления своих позиций в Младшем и Среднем жузах. Достаточно отметить, что в начале XIX в. пенсию от Российской империи в Среднем жузе получали султан Худай Мендин (400 руб.) и Чуругей (400 руб.); старшины Барлыбай Байжигитов (200 руб.), Баран батыр (200 руб.), Кулебан батыр (200 руб.), Байжигит мурза (200 руб.), Тулян батыр (200 руб.), Тюря батыр (200 руб.). Кроме денежных выплат, все они ежегодно получали по 50 пудов муки. В Младшем жузе данный список был представлен гораздо шире. Пенсия от российской казны выплачивалась хану Айчуваку (1000 руб.). Жалованье было назначено султану Абулгазы (300 руб.), султану Карабаю (200 руб.), султану Букею (300 руб.), коллежскому асессору Али султану (50 руб.), коллежскому асессору султану Джагангер Каипову (300 руб.), майору султану Артуку (200 руб.), титулярному советнику Кубек Шупур Алиеву (150 руб.), заседателю Оренбургского пограничного суда надворному советнику Нурмухамеду Абзелиеву (150 руб.), избранным для совета в Младшем жузе хану (300 руб.), двум султанам (по 300 руб. каждому) и шести старшинам (по 200 руб.). Пенсию в размере 200 рублей также получала Тайкары, дочь покойного хана Нуралы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 17а Л. 260б.–27 об.).

Фактически всегда российское правительство удовлетворяло просьбы султанов о постройке им домов и направляло в степь для их охраны «воинские команды». Так, например, по результатам поездки в 1801 г. в Петербург «находящегося на вечном кочевье в России казахского султана Чангара Салтамаметева» властями было принято решение «о построении на счет казны на русской стороне Иртыша, между форпостами Семейским и Кривых, мечети для казахов, подвластных султану, и дома для него самого». Организационные вопросы по подготовке проекта зданий, «истребования денег» и, собственно, строительству было возложено на инспектора Сибирской инспекции генерал-майора Лаврова. Реализация проекта обошлась российской казне в 6644 руб. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 6. Л. 20–210б.). На средства казны был построен дом для султана Среднего жуза Татеня Урусова «между Ямышевской крепостью и Коряковским форпостом» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 12. Л. 19–200б.).

Как известно, практика материального поощрения в виде награждений и выплаты пособий, присвоения гражданских и офицерских чинов, преподнесения подарков широко использовалась Россией не только в российско-казахских отношениях, но и в ее отношениях фактически со всеми «сибирскими инородцами». Таким образом, осуществлялось интегрирование этноэлит в российское социально-правовое поле, и параллельно формировалась этносоциальная прослойка (будущие чиновники из местной этнической среды), лояльная имперской власти и выполняющая посреднические функции между империей и этносом. Данное своеобразие имперской

национальной/этносоциальной/колониальной политики отмечал в своих исследованиях ряд зарубежных и российских ученых (Капеллер, 2000; Миронов, 2009; Ремнев, 2013).

В 30–40-е гг. XIX в. численность депутатских миссий в Петербург резко сокращается. Наиболее поздние материалы о них, отложившиеся в РГИА, датируются 1847, 1850 и 1859 гг. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.А. Катенин, направляя в Петербург в 1859 г. «депутацию почетных казахов Оренбургского ведомства» в составе 12 человек, сопроводил ее письмом министру иностранных дел Сухотину. В нем содержалось ходатайство предоставить возможность «для временного пребывания в столицах и осмотра всего, что может быть интересно и поучительно для полудиких ордынцев». Причем, как следует из письма, подобные «ознакомительные миссии» А.А. Катенин направлял в Петербург ежегодно на протяжении нескольких предыдущих лет (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 243 Л. 70б.).

Его просьбы была выполнена, и депутации предоставили возможность посетить «военные и придворные торжества», «Эрмитаж, Арсенал, Монетный двор, загородные дворцы и другие здания и учреждения, посещение которых сопряжено с особыми разрешениями». Данная поездка, по мнению А.А. Катенина, должна «оставить и добрую память, и будет иметь, без сомнения, сильное нравственное на них (казахов – авт.) влияние» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 243 Л. 15). Никаких прошений данной делегацией не было сделано. Все это свидетельствует об окончательной утрате заложенного изначально смысла в депутатских миссиях первой половины XIX в. как форме межцивилизационного диалога, направленного на решение актуальных вопросов российско-казахских отношений.

5. Заключение

Депутатские миссии казахских ханов, султанов и родоправителей Букеевского ханства, Среднего и Младшего жузов, состоявшиеся в первой половине XIX в., стали важнейшим механизмом развития российско-казахского цивилизационного диалога. До 20-х гг. XIX в. данные миссии рассматривались Россией как иностранные и принимались Азиатским департаментом МИД. Это свидетельствовало о формальном характере российского подданства казахских правителей, оформленного еще в 30–40 гг. XVIII в. Целью «депутатских миссий» в этот период являлось обсуждение широкого спектра вопросов российско-казахских отношений: утверждение в ханском звании, урегулирование проблем казахско-башкирского землепользования, транзит российских караванов через казахскую степь, подсудность российским законам казахов в приграничной зоне. После утверждения Уставов о сибирских (1822 г.) и Оренбургских (1824 г.) казахах, ликвидировавших политическую автономию жузов, изменился характер «депутатских миссий» родоправителей и отношение к ним российской администрации. Они стали допускаться к императорскому двору через МВД, их целью было подтверждение верноподданнических чувств российской короне; получение родоправителями статуса чиновников региональной администрации, офицерских и дворянских званий, пенсий. Все это свидетельствовало о начале политической и социально-экономической интеграции региона в общеимперское пространство. С 40-х гг. XIX в. Младший и Средний жузы стали рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи. Поэтому допуск «депутатских миссий» ко двору постепенно стал сокращаться, все вопросы взаимодействия с казахским обществом были переданы региональным органам власти.

Сам факт обращения к российской стороне казахских родоправителей с просьбами выступить в качестве посредника и арбитра при решении многих проблем кочевого общества первой половины XIX в. свидетельствует о том, что казахская этноэлита признавала авторитет и могущество Российской империи, стремилась к установлению с ней более прочных контактов и рассматривала их как дополнительный аргумент своего политического господства в степи.

Литература

- Аполлова, 1976 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. Москва, 1976. 371 с.
- Бахтурина, 2014 – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 388 с.
- Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. М., 1947. 230 с.
- Быков, 2003 – Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана: Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в. Барнаул, 2003. 267 с.
- Галузо, 1965 – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965. 347 с.
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 1996. 252 с.
- Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.
- Капеллер, 2000 – Капеллер А. Россия как многонациональное государство. М., 2000. 344 с.
- Лейзерович, 2001 – Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001.

- [Лысенко, 2010](#) – *Лысенко Ю.А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв. Барнаул, 2010. 193 с.
- [Миронов, 2009](#) – *Миронов Б.Н.* Историческая социология истории. Спб., 2009. 536 с.
- [Национально-освободительное восстание..., 1937](#) – Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. // Под ред. Н. Тимофеева / Сборник воспоминаний и материалов. Алма-Ата, 1937. 314 с.
- [Ремнев, 2013](#) – *Ремнев А.* Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2013. 296 с.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Садвокасова, 2005](#) – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы, 2005. 333 с.
- [Сулейменов, Басин, 1977](#) – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1977. 164 с.
- [Тихонов, 2008](#) – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XIX – начале XX вв. СПб., 2008. 353 с.
- [Традиционное казахское общество..., 2014](#) – Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.) / Под редакцией Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. 271 с.
- [Lysenko, 2014](#) – *Lysenko Yu.A.* The Russian Orthodox Church in Religio us Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII –Beginning of XX Centuries) // *Bylye Gody.* 2014. №3. pp. 387–391.

References

- [Apollova, 1976](#) – *Apollova N.G.* (1978). Khozyaystvennoye osvoyeniye Priirtyshia v kontse XVI – pervoy polovine XIX v.[Economic development of Irtysh at the end of XVI – the first half of XIX century]. Moscow, 371 p. [in Russian]
- [Bahturina, 2014](#) – *Bahturina A.U.* (2014). Okrainyi Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v gody pervoy mirovoy voyni (1914–1917 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War]. Moscow, 388 p. [in Russian]
- [Bekmahanov, 1947](#) – *Bekmahanov E.B.* (1947). Kazahstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20 – 40 years of the XIX century]. Moscow, 230 p. [in Russian]
- [Bykov, 2003](#) – *Bykov A.Yu.* (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana: Problema sedentarizatsii v rossiyskoy politike XVIII – nachala XX v. [The origins of the modernization of Kazakhstan: the challenge of sedentarization in Russian politics of the XVIII – beginning of XX century]. Barnaul, 230 p. [in Russian]
- [Galuzo, 1965](#) – *Galuzo P.G.* (1965). Agraranyye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1967–1914 gg. [Agrarian relations in the South of Kazakhstan in 1967–1914]. Alma-Ata, 347 p. [In Russian]
- [Zhirenchin, 1996](#) – *Zhirenchin K.* (1996). Political development of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries. Almaty. 252 p. [in Russian]
- [Zimanov, 1960](#) – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoy polovine XIX veka. [The political system of Kazakhstan in the late XVIII century and the first half of the XIX century]. Alma-Ata, 247 p. [in Russian]
- [Kappeler, 1992](#) – *Kappeler A.* (1992). Russia – a multinational country. Moscow. 344 p. [in Russian]
- [Leyzerovich, 2001](#) – *Leyzerovich E.E.* (2001). Sotsialnyie i ekonomicheskie itogi Rossiyskoy kolonizatsii Turkestana. [Social and economic results of the Russian colonization of Turkestan]. Tell-Aviv, 269 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2010](#) – *Lysenko Yu.A.* (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tsekrvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XXv.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, 193 p. [in Russian]
- [Mironov, 2009](#) – *Mironov B.* (2009). Historical sociology of history. St.Petersburg. 536 p. [in Russian]
- [Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie..., 1937](#) – Natsionalno-osvoboditelnoe vosstanie kazahskih trudyaschihsya protiv tsarizma v 1916 g. [National liberation uprising of the Kazakh workers against the tsarist regime in 1916]. A collection of documents and materials. Alma-Ata, 1937, 314 p. [in Russian]
- [Remnev, 2013](#) – *Remnev A.* (2013). Vdvinut` Rossiyu v Sibir` : imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka [To move Russia into Siberia: the empire and the Russian colonization of the second half of XIX – the beginning of the 20th century]. Region v istorii imperii. Istoricheskie e`sse o Sibiri. Moscow, 296 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive]. [in Russian]
- [Sadvokasova, 2005](#) – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX – beginning of XX centuries)]. Almaty, 345 p. [in Russian]

Suleymenov, Basin, 1977 – *Suleymenov B.S., Basin V.Ya.* (1977). Vosstanie 1916 g. v Kazahstane. [The revolt of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata, 164 p. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki, musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX vv. [Catholics. Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Saint-Petersburg, 353 p. [in Russian]

Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo.... 2014 – Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Pod redaktsiyey Yu. A. Lysenko. Barnaul, 2014, 271 p. [in Russian]

Lysenko, 2014 – *Lysenko Yu.A.* (2014). The Russian Orthodox Church in Religio us Space of Kazakhstan: Stages and Peculiarities of Institutional Model (XVIII –Beginning of XX Centuries). *Bylye Gody*. №3. pp. 387–391. [in Russian]

«Депутатские миссии» казахских ханов, султанов и родоправителей ко двору российских императоров в первой половине XIX в.

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье реконструируется история «депутатских миссий» казахских ханов, султанов и родоправителей Младшего и Среднего жузов ко двору российских императоров в первой половине XIX в. Выяснено, что до 20 гг. XIX в. данные миссии рассматривались Россией как иностранные и принимались Азиатским департаментом МИД. Это свидетельствовало о формальном характере российского подданства казахских правителей, оформленного еще в 30–40 гг. XVIII в. Целью «депутатских миссий» в этот период являлось обсуждение широкого спектра вопросов российско-казахских отношений: утверждение в ханском звании, урегулирование проблем казахско-башкирского землепользования, транзит российских караванов через казахскую степь, подсудность российским законам казахов в приграничной зоне. После утверждения Уставов о сибирских (1822 г.) и Оренбургских (1824 г.) казахах, ликвидировавших политическую автономию жузов, изменился характер «депутатских миссий» родоправителей и отношение к ним российской администрации. Они стали допускаться к императорскому двору через МВД, их целью было подтверждение верноподданнических чувств российской короне; получение родоправителями статуса чиновников региональной администрации, офицерских и дворянских званий, пенсий. Все это свидетельствовало о начале политической и социально-экономической интеграции региона в общеимперское пространство. С 40-х гг. XIX в. Младший и Средний жузы стали рассматриваться российской политической элитой как внутренняя провинция империи. Поэтому допуск «депутатских миссий» ко двору постепенно сокращался, все вопросы взаимодействия с казахским обществом были переданы региональным органам власти.

Ключевые слова: Российская империя, казахи, жузы, российско-казахские отношения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)